

Джамиль Гасанлы: Республики Южного Кавказа и Турция накануне Карсской конференции

Доктор исторических наук, профессор Джамиль Гасанлы. Иллюстрация: odlar-yurdu.ru

***ИА REGNUM** приступает к публикации серии статей доктора исторических наук, профессора университета Хазар (Баку) **Джамиля Гасанлы** "Карсский договор и завершение оформления границ между Турцией и советскими республиками Южного Кавказа". Предлагаемая подборка структурно связана с предыдущими публикациями автора "Российско-турецкие отношения на отрезке истории между советизацией Азербайджана и Армении", "Российско-турецкая конференция в Москве 1921 года: известные и неизвестные страницы" и "Восточная политика Советской России и Азербайджан. 1920-1921", которые были размещены на нашем сайте с августа по ноябрь 2011 года.*

После заключения Московского договора (16 марта 1918 г.) между большевистской Россией и кемалистской Турцией стали все более проясняться контуры политики Советской России и подконтрольной ей советских республик Южного Кавказа, в особенности Азербайджана и Армении, в отношении Турции. Выступая на пленуме ЦК Азербайджанской Коммунистической партии в августе 1921 года нарком иностранных дел республики М.Д.Гусейнов недвусмысленно дал понять, что разговоры "о скорой коммунистической власти в Анатолии" отходят на задний план. Наркоминдел отметил, что теперь перед Советами стоит главная задача: всеми силами защитить кемалистов в Турции и таким путем вытеснить Антанту с Востока. Эту же мысль, по его словам, разделял и руководитель Кавказского Бюро ЦК РКП(б) **Серго Орджоникидзе**. (Материалы 2-го заседания пленума ЦК АКП (б). 20.08.1921// Коллекция документов РГАСПИ).

Доведенное до отчаяния реквизициями и репрессиями большевиков население Эривани в феврале 1921 г. восстало против коммунистов, воспользовавшись вторжением **Красной Армии** в Грузию. Восставшие изгнали эриванский большевистский ревком и сформировали Комитет спасения, возглавляемый Симоном Врацьяном, бывшим премьер-министром дашнакской Армении. Подавить восстание в Армении Красной армии удалось лишь после завершения оккупации Грузии. Призывы Комитета спасения о помощи, адресованные к западным державам, в том числе Турции, не были услышаны. В телеграмме председателя

правительства Армении С.Врацяна, отправленной 18 марта 1921 года руководству Великого Национального Собрания Турции (ВНСТ) говорилось: "Борьба Армении с большевиками за свою свободу и независимость, по нашему убеждению, служит не только Армении, но и всем народам Передней Азии. Потому Армения надеется, что в ходе своей борьбы получит помощь от соседей. В первую очередь победа Армении в этой войне и ее независимость являются жизненно важным для турецкого народа". Как следует из телеграммы, Армения рассчитывала на оказание военной помощи со стороны правительства кемалистской Турции в противостоянии Красной Армии: "Просим сообщить нам, считает ли руководство Великого Собрания возможным оказать нам военную помощь, и если да, то в каких размерах и видах и в какие сроки?" (А.Япучян. Кто организовал февральскую авантюру и какими были ее последствия. Каир, 1969, С.92). В апреле под давлением Красной Армии повстанцы были вынуждены покинуть Эривань, Комитет спасения был перенесен в Зангезур, а 16 июля 1921 года члены правительства были вынуждены покинуть страну и, перейдя Аракс, укрыться в Иране. (См: R. G. Hovannisian, The Republic of Armenia. Between Crescent and Sickle: Partition and Sovietization, Berkley, Los Angeles, London, University of California Press, 1996, Vol. IV, P. 404-406)

После Московского договора Азербайджан не скрывал свою заинтересованность в расширении связей с Турцией, а также стал проявлять повышенное внимание к политическим процессам и военным операциям в Анатолии. 29 мая 1921 года первый секретарь полномочного представительства РСФСР в Анкаре М.Мамедов составил обширную справку о политическом и социальном положении в Турции и отправил ее наркому иностранных дел Азербайджанской ССР М.Д.Гусейнову. М.Мамедов счел нужным передать в Баку "достоверные сведения", которые он собрал в течение 8 месяцев пребывания в Турции. Описывая расстановку сил в Великом Национальном Собрании Турции, М.Мамедов отмечал, что часть депутатов во главе с Мустафа Кемаль-пашой - это анатолийцы, избранные после Сивасского конгресса; другая часть депутатов - румелийцы, бежавшие из Константинополя. "Представителей беднейшего городского населения и крестьянства, конечно, в Меджлисе нет, хотя официально Меджлис называется "народным", - констатировал первый секретарь полпредства Российской Федерации в Анкаре. (Доклад М.Мамедова М.Д.Гусейнову "Политика правительства Мустафа Кемаль-паши и руководители этой политики". 29.05.1921// Коллекция документов АПД УДП АР). М.Мамедов сообщал, что с ноября 1920 года по март 1921 года в ВНСТ существовали две группировки: в первую входили депутаты, считавшиеся сторонниками султана и Запада, среди них были второй председатель ВНСТ Джелаледдин Ариф, министр финансов Ферид, министр просвещения Хамдуллах Субхи и вернувшийся из длительной командировки в Москву Бекир Сами-бей. Во вторую группировку, "ожидавшую спасения" лишь с

Востока и дружившую с Советской Россией, входили министр иностранных дел Ахмед Мухтар, министр промышленности Джелал-бей и директор печати Мухиддин-бей. По мнению М.Мамедова, усиление оппозиции в Меджлисе породило слухи о возможном роспуске парламента. В докладе Мустафа Кемаль-паша характеризовался как человек большого ума, энергичный, с сильной волей, не пасующий ни перед чем для достижения своей цели, осторожный в обращении с людьми, хорошо владеющий кнутом и пряником. М.Мамедов писал: "Кемаль - центральная фигура, от которой исходят все нити, в руках которого все вожжи; человек, имя которого многие проклинаят (анатолийцы) и многие перед ним раболепствуют. Кемаль, благодаря той роли, которую он играет в политической жизни Анатолии, безусловно, не может принадлежать ни к реакционной группе, ни к группе восточной политики, так как эти группы, отчасти, созданы им самим, его агентами. Они ему нужны, как равновесие в его политике. Можно с уверенностью сказать, что пока Кемаль стоит во главе национального движения, никакого соглашения с султаном не может быть". М.Мамедов видел силу Кемаль-паши в той организованной и дисциплинированной армии, которая в короткий срок сформировалась под руководством Исмет-паши. Он писал: "Пока эта армия есть, он, Кемаль, спокойно может чувствовать себя властелином полуфеодальной Турции". (Доклад М.Мамедова М.Д.Гусейнову "Политика правительства Мустафа Кемаль-паши и руководители этой политики". 29.05.1921// Коллекция документов АПД УДП АР).

Что касается вопросов внешней политики, то по наблюдениям М.Мамедова, Кемаль-паша лавирует между Западом и Востоком, маневрирует между Антантой и Советской Россией. С одной стороны, он хочет с помощью Коминтерна созвать в Анкаре мусульманский конгресс, но на деле представляет себе этот конгресс как ответ на Бакинский съезд народов Востока. С другой стороны, во главе делегации на Лондонскую конференцию он ставит Бекир Сами-бея, который вернулся из Москвы в Анкару ярким противником большевиков. Министр иностранных дел и руководитель делегации правительства ВНСТ Бекир Сами-бей был горячим сторонником компромисса и союза с западными державами. Потомок эмигрантов-мухаджиров, высланных с Северного Кавказа царским правительством во второй половине XIX века, он испытывал понятную враждебность в отношении Российской империи, вне зависимости от общественно-политического строя последней. Его личным инициативам способствовала и крайне гибкая дипломатическая практика анкарского правительства. (G.Mamoulia. Les Combats Independantistes des Caucasiens entre URSS et Puissances Occidentals. Le cas de la Georgie (1921-1945). L'Harmattan, 2009, P. 35). По мнению М.Мамедова, "на Лондонской конференции турки с треском провалились и это дало возможность сторонникам восточной политики усилиться, а Кемалю отрезвиться". Советский дипломат оценивает действия М.Кемалю как "выходки" и пишет: "Как

подействовал на Кемалья провал Лондонской конференции - не знаю, но думаю, что Кемаль чувствует себя теперь более свободным и более независимым от Востока, чем это было месяцев 4-5 тому назад" (Доклад М.Мамедова М.Д.Гусейнову "Политика правительства Мустафа Кемаль паши и руководители этой политики". 29.05.1921// Коллекция документов АПД УДП АР).

В заключении, возвращавшийся из Анкары в Москву через Баку первый секретарь Российского посольства в Турции М.Мамедов настойчиво рекомендовал открыть азербайджанское дипломатическое представительство при анкарском правительстве. Он считал, что "бежавшие из Азербайджана мусаватисты начали вести вредную агитацию. Официальные и интеллигентные круги нашли момент подходящим для своих выступлений против коммунизма. Опираясь на ложные слухи, эти круги открыто начали говорить о насилии над Азербайджаном". М.Мамедов писал, что, невзирая на провокационные слухи, в сердце турецкого народа живет большая любовь к Азербайджану и "эту любовь необходимо использовать для дальнейшей нашей работы в Анатолии".

Руководствуясь этими соображениями, Наркомат иностранных дел Азербайджана определился с кандидатурой полномочного представителя, которого надлежало отправить в Анкару в мае 1921 года. Для утверждения этой кандидатуры направили запрос в российский НКВД. Н.Нариманов и М.Д.Гусейнов рекомендовали на должность посла Ибрагима Абилова - заместителя наркома внутренних дел Советского Азербайджана. Г.Чичерин телеграммой от 26 мая сообщил М.Д.Гусейнову, что Москва не возражает против назначения И.Абилова. (Телеграмма Г.Чичерина М.Д.Гусейнову. 26.05.1921 // Коллекция документов АПД УДП АР). Получив "добро" Москвы, И.Абилов был назначен полномочным представителем Азербайджанской ССР в Анкаре в июне 1921 года. Всеобщее мнение было таковым, что И.Абилов сможет способствовать развитию отношений между Азербайджаном и Турцией, а также помочь расширению связей между Советской Россией и борющимся с Антантой правительством ВНСТ. И.Абилову вменялось координировать свои действия с полномочным представителем РСФСР в Турции Сергеем Нацаренусом, который уже приступил к своим обязанностям с начала мая 1920 года (Главнейшие моменты в политической жизни Турции (с ноября 1920 г. по ноябрь 1921г.). Историческая канва// Коллекция документов РГАСПИ). Определение состава сотрудников посольства входило в компетенцию республиканского Наркомата иностранных дел, что очень не нравилось Москве, которая хотела держать заграничные кадры под своим контролем. В телеграмме от 19 июля Г.Чичерин писал М.Д.Гусейнову, что при подборе состава сотрудников посольства надо быть очень внимательным и рекомендовал не включать в состав миссии людей, "легко попадающих под чужое влияние и допускающих ошибки, не

желая того" (Телеграмма Г.Чичерина М.Д.Гусейнову. 19.07.1921 // Коллекция документов АПД УДП РФ).

В августе 1921 года И.Абилов выехал в Турцию. По дороге для решения некоторых технических и финансовых вопросов азербайджанской миссии в Анкаре он на несколько дней задержался в Тифлисе, где состоялась его встреча с наркомом иностранных дел Грузинской ССР Александром Сванидзе, который выразил свое недовольство по некоторым пунктам Московского договора 1921 года. На встрече, состоявшейся 25 августа 1921 года, А.Сванидзе предупредил И.Абилова, что Грузия собирается предпринять ряд шагов на готовящейся конференции Турции и Кавказских республик. Грузины, в частности, не были согласны с определением турецко-грузинской границы в Московском договоре, и поэтому намеревались вновь поднять этот вопрос в Карсе. И.Абилов заявил грузинскому наркому, что вопрос границы с Турцией обстоятельно обсуждался на Московской конференции и будет неуместным поднимать его вновь на предстоящей конференции. Полномочный представитель Азербайджана в Турции резонно заметил: "Из настроения и намеков турок видно, что они сейчас ни на какие компромиссы и уступки не пойдут". Он считал, что "возбуждение этих вопросов на конференции создаст нежелательные для нашей действительности прецеденты" (Письмо И.Абилова М.Д.Гусейнову. 26.08.1921 // Коллекция документов АПД УДП РФ). И.Абилов рекомендовал М.Д.Гусейнову до конференции обсудить с грузинскими товарищами этот и подобные "больные" вопросы. А.Сванидзе также намеревался опротестовать пункт Московского договора, дающий мусульманскому населению Батума национальные и религиозные права; он собирался потребовать расширения границ Батума и возвращения Грузии Ардагана и Артвина (Candan Azer. Babadan Oğula Güney Kafkasiya. Türkiye - Güney Kafkasiya İlişkileri. İstanbul, 2011, S.303). По этому вопросу нарком иностранных дел Грузинской ССР уже обращался к Г.Чичерину в мае 1921 года. А.Сванидзе писал, что грузины "хотят потребовать от Турции передачи Грузии всей южной части Батумской области, которая по Московскому договору отошла к Турции". Г.Чичерин немедленно предупредил В.Молотова и ЦК РКП(б), что турки никогда не согласятся на требования Грузии, они в Москве с большим трудом согласились на передачу части Батума Грузии (Письмо Г.Чичерина В.Молотову. 29.05.1921// Коллекция документов РГАСПИ).

Свое раздражение и недовольство по целому ряду территориально-пограничных аспектов Московского договора Советская Армения выразила в письме, адресованном в ЦК РКП (б) и НКВД от 15 апреля 1921 года за подписью народного комиссара иностранных дел Армении А.Бекзадяна. В письме осуждался "продажный (предательский) характер Московского договора в отношении национальных интересов Армении", подвергалась серьезной критике позиция

Москвы касательно территориальных уступок со стороны Советской России Турции и ставилась под сомнение целесообразность признания Нахичевани автономной территорией под протекторатом Азербайджана. (Заявление председателя армянской делегации на Московской конференции и Народного комиссара иностранных дел Армении А.Бекзадяна ЦК РКП (б) и НКВД РСФСР. 15.04.1921 // Коллекция документов РГАСПИ).

В Анкаре знали о том, что грузины и армяне недовольны Московским договором и подозревали, что источником такого настроения была Советская Россия. Депутаты ВНСТ от Карса, Ардагана и Артвина вели среди населения разъяснительную работу и рекомендовали с осторожностью относиться к переменам в России. По мнению турецких кругов, если Советская Россия провозгласила принцип самоопределения народов, она должна с пониманием отнестись к желанию мусульман "с двух сторон окруженного гяурами", объединиться с Турцией. Они говорили: "Мы, турки, знали царскую политику, но насколько изменилась эта политика (империализм) мы не знаем, но постепенная советизация (попросту захват) Азербайджана, Армении, и теперь Грузии наводит на нас тревогу за целостность нашей восточной границы. Если Советская Россия не имеет империалистических стремлений, то справедливый отход мусульманских областей к нам, не может вызвать протеста со стороны России". Многие турки открыто говорили, что больше всего им грозит коммунизм с восточных границ. Они рассматривали восточные области как буфер между Турцией и большевиками (Коллекция документов АПД УДП АР).

[Джамиль Гасанлы: Секретные переговоры большевиков с дашнаками в Риге](#)

[ИА REGNUM](#) продолжает публикацию серии статей доктора исторических наук, профессора университета "Хазар" (Баку) [Джамиля Гасанлы](#) "Карсский договор и завершение оформления границ между Турцией и советскими республиками Южного Кавказа", предыдущая часть которой "Республики Южного Кавказа и Турция накануне подписания Карсского договора" была размещена на сайте 12 декабря 2011 года (<http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/polit/1478721.html>)

Дашнаки, захватившие в феврале 1921 года власть в Эривани, в апреле потерпели поражение, и их основные силы отошли к Зангезуру, где и произошли их ожесточенные бои с [Красной Армией](#). Руководство Армянской Революционной Федерации ([Дашнакцүтюн](#)) со штаб-квартирой в Берлине хотело связаться с Г.Чичериным и уладить возникший конфликт. В свою очередь, Г.Чичерин видел в этом удобный шанс вывести из-под турецкого влияния дашнаков, которые после договора в Гюмри стали "тяготеть" к Турции. С этой целью НКВД предложил вступить в переговоры с дашнаками. Политбюро ЦК РКП(б) на заседании 8-10 июня 1921 года дало согласие на проведение этих переговоров в Риге. Было принято решение направить в Ригу на переговоры с дашнаками полномочного

представителя Советской Армении в Москве С.Тер-Габриэляна, А.Иоффе - возглавлявшего в марте советскую делегацию на мирных переговорах с Польшей в Риге, а третьего члена делегации согласно второму пункту решения Политбюро должны были определить совместно С.Тер-Габриэлян, Г.Чичерин и В.Молотов. (Протокол №38 заседания Политбюро ЦК РКП(б). 08.06.1921 // Коллекция документов РГАСПИ). Позже третьим переговорщиком от ЦК РКП (б) по рекомендации С.Тер-Габриэляна, Г.Чичерина и В.Молотова был назначен член ВЦИК В.Тер-Ваганян. 20 июня этот вопрос был обсужден также и в ЦК КП(б) Армении. Армянские коммунисты были против того, чтобы переговоры Москвы с дашнаками носили официальный характер. По этому поводу они направили С.Тер-Габриэлян дополнительные инструкции и параллельно приняли решение ЦК о направлении в Зангезур новых сотрудников для усиления там подпольной работы (Протокол №9 заседания ЦК Армянской КП(б). 20.06.1921 // Коллекция документов РГАСПИ).

Вопрос о переговорах с дашнаками был повторно вынесен на заседание Политбюро ЦК РКП (б) 25 июня, где было отмечено оставить в силе решение от 10 июня (Протокол № 42 заседания Политбюро ЦК РКП(б). 25.06.1921 // Коллекция документов РГАСПИ). На переговорах в Риге партию дашнаков представляли В.Папазян (председатель делегации), В.Навасардян и А.Исаакян. Переговоры в Риге велись в течение двух недель и по их итогам было парафировано секретное соглашение между ЦК РКП(б) и Армянской Революционной Федерацией (Дашнакцутюн. Основное содержание парафированного соглашения сводилась к двум основным требованиям дашнаков:

- 1) Существование независимой и самостоятельной Армении, которая во всех своих отношениях с другими государствами, в том числе и с РСФСР, сохраняла бы полный свой суверенитет.
- 2) Территориальное объединение так называемой Русской Армении с так называемой Турецкой Арменией, т.е. присоединение к первой ранее населенной армянами турецкой территории, достаточной для свободного экономического и политического существования Армении. (Предложение армянской революционной партии Дашнакцутюн ЦК РКП (б). 14.07.1921. // Коллекция документов РГАСПИ)

14 июля после завершения переговоров и парафирования соглашения с дашнаками С.Тер-Габриэлян и В.Тер-Ваганян выехали из Ригу в Москву с подробными материалами и докладом о переговорах. В тот же день представители партии Дашнакцутюн передали С.Иоффе текст телеграммы, адресованной в ЦК РКП (б) и НКВД РСФСР для срочной передачи его в Москву. В телеграмме говорилось: "Нами сегодня получена пространная телеграмма из Тегерана от 11 и 12 июля о военных столкновениях на Зангезурском фронте, начавшихся приблизительно недели две тому назад. Согласно телеграмме, Советская Армения с трех сторон (со стороны Забуха, Нахичевани и Даралагеза) крупными частями повела наступление на Зангезур. Произошли жестокие бои с большими жертвами для обеих сторон, в результате чего зангезурцам удалось на некоторых фронтах приостановить

предпринятое наступление. Принимая во внимание, что в основе вопроса, побудившем зангезурцев взяться за оружие, а именно в понимании и разрешении армянской проблемы, видимо, устанавливается единомыслие между ЦК РКП и армянской ревпартией "Дашнакцутюн", что значительно облегчает задачу нашего взаимоотношения, и, во избежание дальнейшего и бессмысленного кровопролития, мы вторично предлагаем и просим ЦК РКП перед Совнаркомом Армении взять на себя почин посредничества о приостановлении военных действий и тем создать возможность на приемлемых условиях для обеих сторон ликвидации создавшегося конфликта" (Записка А.Иоффе в ЦК РКП (б) В.Молотову и НКИД Г.Чичерину с текстом телеграммы делегации Верховного органа Армянской революционной партии "Дашнакцутюн" // Коллекция документов РГАСПИ). Целью этой телеграммы, скорее всего, было оказание давления со стороны дашнаков на ЦК РКП (б) для ускорения подписания парафированного соглашения. Так как в середине июля вооруженные силы дашнаков в Зангезуре не представляли собою особой угрозы силам Красной Армии.

Однако наличие в парафированном соглашении с дашнаками требования присоединения так называемой Турецкой Армении к Кавказской Армении совершенно не входило в стратегические планы большевиков и в корне противоречило духу и букве Московского договора. Обеспокоенный перспективой неприятия Анкарой таких неожиданных моментов, наркоминдел Г.Чичерин направил письмо С.Иоффе, в котором отметил, что участники переговоров с дашнаками "ужасно подвели" его и требовал устроить дело так, чтобы от этого соглашения "следов не осталось" вплоть до уничтожения всех его копий, ибо, как он подчеркивал, "мы твердо соблюдаем Московский договор и потому большим несчастьем будет, если у дашнаков останется парафированная нами бумажка". В письме в ЦК РКП (б) В.Молотову и Г.Чичерину С.Иоффе пытался оправдаться: "Прежде всего я хотел бы отметить, что уничтожить следы теперь, к сожалению, уже невозможно: если бы мне даже удалось различными хитросплетениями заполучить обратно от дашнаков "несчастную" бумажку, то и тогда "следы" остались бы, т.к. переговоров уничтожить нельзя и они все равно остаются фактом... Но я еще раз повторяю, что все наши заявления здесь делались нами исключительно от нашего личного имени, что неоднократно нами подчеркивалось, и никакой поэтому обязательной силы не имеют" (Письмо С.Иоффе в Политбюро ЦК РКП (б) В.Молотову, Наркоминделу Г.Чичерину. Конец июля - начало августа 1921 года // Коллекция документов РГАСПИ). 24 июля наркоминдел РСФСР Г.Чичерин отправил письмо на имя секретаря ЦК В.Молотова, в котором поставил вопрос о незамедлительном осуждении со стороны ЦК РКП (б) парафированного соглашения с дашнаками 14 июля в Риге: "Еще 16 июля по поводу переданного Центральному Комитету доклада товарищей Иоффе, Тер-Габриэляна и Тер-Ваганяна я написал в Политбюро о том, что не только совершенно неприемлемо парафированное в Риге соглашение, в котором наши делегаты обещали хлопотать о присоединении турецкой Армении к Армянской Республике, но самый факт оставления такого проекта в руках "дашнаков" может вести к серьезным

осложнениям для нашей турецкой и вообще восточной политики и может иметь для нас роковые последствия. С тех пор прошло более недели, и Политбюро не приняло никакого решения. Самый факт отсутствия реагирования со стороны ЦК на это может иметь неблагоприятные последствия. Это может быть истолковано в том смысле, что ЦК не находит ничего особенно заслуживающего порицания в этой политике опрокинуть Русско-Турецкий Московский договор. Для того, чтобы предотвратить роковые последствия этих необычайных предложений, необходимо, чтобы ЦК реагировал, не откладывая дольше. Отсутствие осуждения со стороны ЦК само по себе нам сильно повредит" (Письмо Г.Чичерина В.Молотову. 24.07.1921 // Коллекция документов РГАСПИ). Через два дня после этого письма 26 июля состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б), на котором было заслушано сообщение А.Иоффе о соглашении с дашнаками. Политбюро вынесло однозначное решение: "Проект соглашения, подписанный т.Иоффе и другими в Риге относительно дашнаков, решительно отклонить" (Протокол № 53а заседания Политбюро ЦК РКП(б). 26.07.1921 // Коллекция документов РГАСПИ).

На деле дашнаки вели двойную игру: с одной стороны, вступали в тайные переговоры с Советской Россией, а с другой - хотели быть представлены в Кавказской солидарности, патронируемой Западом. Именно с этой целью 10 июня 1921 председатель делегации Республики Армения на Парижской мирной конференции Аветик Агаронян вместе с председателями делегаций Азербайджанской Демократической Республики Али Мардан-беком Топчибашевым, Северокавказской Республики Абдул Меджидом Чермоевым и Грузии Акакием Чхенкели подписал "Парижскую Декларацию". Она состояла из 10 пунктов и носила политический характер и за малым исключением отражала идеи Кавказской солидарности. Армяне, которые ранее, как правило, проявляли неприятие Кавказской солидарности, на этот раз присоединились к Декларации, но и на сей раз их действие было не лишено конъюнктуры, поскольку в ее подписании были заинтересованы великие державы - Англия, Франция и Италия. Декларация олицетворяла собой политический союз Кавказских республик. В ней указывалось, что подписавшие Декларацию республики, при условии обеспечения их независимости и территориальной целостности, желают строить отношения дружбы и добрососедства с ближайшими соседями - Россией, Турцией и Ираном. Эти республики выражали готовность обеспечить по справедливости экономические интересы России на Кавказе. Что касается интересов Ирана, то учитывалась важная роль Кавказских республик для обеспечения транзита в торговле Ирана с Европой и подписанты Декларации положительно отнеслись к этому вопросу. Отношения с Турцией были отражены в Декларации с серьезными оговорками. С одной стороны, Декларация провозглашала большой интерес Кавказских республик строить добрососедские отношения с Турцией, но, с другой стороны, выдвигалось требование, чтобы Турция признавала Кавказ в границах 1914 года: "Придавая, с другой стороны, не меньшее значение установлению дружеских и добрососедских отношений с Турцией, республики Кавказа будут иметь целью, с помощью совместных усилий консолидировать эти отношения на

основе соблюдения и уважения Турцией нерушимости территории Кавказа в пределах границ 1914 г." (Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC, Nanterre), Paris. Microfilms des Archives du Gouvernement Georgien, MFM 881, Bobine 136). К сожалению в Декларации не было принято во внимание те коренные и существенные изменения, которые произошли после Первой мировой войны как в самой Турции, так и на Кавказе.

Серьезные промахи НКВД Советской России в переговорном процессе с дашнаками в Риге наркоминдел Г.Чичерин пытался свалить на С.Иоффе. В письме В.Ленину от 31 июля 1921 года он писал: "Вообще у тов.Иоффе по восточным вопросам крайне наивные, прекраснодушные и романтические взгляды. Еще в его бытность в Берлине его экскурсии в восточную политику были всегда крайне неудачны... У тов.Иоффе всегда имеется склонность ставить нас перед свершившимися фактами. Мы не можем наперед знать, о чем будет идти речь, и потому он говорит, что не было инструкции. То же самое он говорит и относительно теперешних переговоров с дашнаками, относительно которых никто ни в малейшей степени не мог предвидеть, чего они коснутся. После же их начала тов. Иоффе ни единым словом не известил нас о том, о чем там говорилось..." (Письмо Г.Чичерина В.Ленину. 31.07.1921 // Коллекция документов РГАСПИ)

Хотя 26 июля Политбюро ЦК РКП (б) отклонило подписание парафированного соглашения с дашнаками, наркоминдел РСФСР Г.Чичерин был крайне обеспокоен дальнейшей судьбой этого вопроса, который мог бы серьезным образом осложнить отношения между Советской Россией и Турцией. Поэтому он в письме В.Ленину от 3 августа предложил опередить события и рассказать послу Турции о неудачных рижских переговорах с дашнаками и разъяснить, что политика ЦК идет в разрез с линией партии Дашнакцутюн: "...Опасно ждать, пока турки узнают о бывших в Риге переговорах от самих армян. Будет несравненно менее опасно и менее вредно для наших отношений, если мы сами забежим вперед и расскажем туркам о том, что дашнаки надули представителей Центрального Комитета. Это покажет туркам, что наше Правительство не имеет с этой политикой ничего общего и сейчас же отвергло противоречащие нашей политике предложения. Мы находим поэтому целесообразным, чтобы я сейчас же в соответствующей форме и с некоторым ослаблением всего происшедшего сам от себя рассказал об этом инциденте Али Фуату" (Письмо Г.Чичерина В.Ленина. 03.08.1921 // Коллекция документов РГАСПИ). Придавая важное значение сохранению и развитию отношений с новой Турцией, В.Ленин 5 августа телефонограммой сообщает Г.Чичерину: "Получил Ваше письмо, касающееся дашнаков. Не возражаю против предложенных Вами переговоров Ваших с Али Фуатом (Телефонограмма В.Ленина Г.Чичерину 05.08.1921 // Коллекция документов РГАСПИ).

Подписание "Парижской Декларации" давало серьезный повод переговорщикам в Риге для отказа от подписания соглашения с Дашнакцутюн. 13 августа 1921 года А.Иоффе через представительство РСФСР в Латвии передал лидерам дашнаков следующее сообщение: "В связи с недавними выступлениями Закавказских

республик в Париже и Риме перед Брианом (премьер министр и министр иностранных дел Франции - Дж.Г.) и Торетта (министр иностранных дел Италии в первом правительстве И.Бономи - Дж.Г.), я считаю невозможным докладывать ЦК РКП о состоявшемся между нами соглашении и отстаивать его до той поры, покуда Вами занятая политическая позиция этой возможности мне не даст". Участвовавшие в рижских переговорах дашнакские лидеры 17 августа обратились в ЦК РКП(б) с письмом, в котором отметили, что "Парижская Декларация" была оглашена за месяц до Рижской встречи и об этом говорила вся европейская пресса, даже радио Москвы. Декларация не помешала началу переговоров. И теперь армяне объявили о готовности продолжить и завершить переговоры (Письмо В.Папазяна, В.Навасардяна и А.Исаакяна в ЦК РКП(б). 17.08.1921 // Коллекция документов РГАСПИ).

Однако отчаянное письмо представителей партии Дашнакцутюн в ЦК РКП (б) осталось без ответа, а в дальнейшем большевики вовсе предали забвению этот вопрос.

Подробности: <http://regnum.ru/news/polit/1480149.html#ixzz1gebppi95>

Любое использование материалов допускается только при наличии гиперссылки на ИА REGNUM 16.12.2011

Подробности: <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/polit/1478721.html#ixzz1gOX9wQma>

Любое использование материалов допускается только при наличии гиперссылки на ИА REGNUM 13/12/2011